

УДК 321.01

ЭМПИРИЧЕСКОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ
В НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМАХ¹

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье обосновано, что кризисное состояние нормативной системы, ставя под сомнение ее легитимность, позволяет дискутировать о ее рациональности. В ходе таких дискуссий выявляется следующее. Во-первых, легитимация представляет собой разновидность обратной связи в нормативных системах с рефлексией. Во-вторых, легитимность нормативной системы, будучи основана на символическом содержании, допускает эмпирическое исследование на уровне индивидуальных убеждений, делая тем самым социальные порядки взаимно соизмеримыми.

Ключевые слова: нормативная система, символическая власть, легитимность, право, взаимное признание, Ю. Хабермас, коммуникативная рациональность.

Abstract: if the normative systems is in a critical condition, its legitimacy as well as rationality become doubtful. This article made two conclusions. Firstly, legitimation is the kind of feedback in normative systems with reflexive parameters. Secondly, normative legitimacy is based on a symbolic content. The legitimacy itself allows the empirical study (as individual belief). Through of this methodological empiricism the social orders considered as measurable.

Key words: normative system, symbolic power, legitimacy, law, mutual acceptance, J. Habermas, communicative rationality.

В настоящей работе мы продемонстрируем возможность неметафизической (не исходящей из тотализирующего идеологического дискурса) критики социального порядка посредством определения некоторых его исчисляемых показателей, подверженных управляющему воздействию. Как представляется, основанием неметафизической критики социального порядка является факт его сравнимости с иными сопоставимыми объектами.

Дадим вначале определение нормативной системы, удовлетворяющее задачам исследования. Назовем нормативной системой совокупность социальных норм, организационно (онтологически) обособленных от аналогичной совокупности такого же уровня абстракции. Возьмем за основу следующее:

1) необходимое для существования нормативной системы организационное обособление осуществляется по некоторому принципу (или совокупности принципов);

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00491.

2) данный принцип доступен, известен и понятен некоторому множеству агентов, разделяющих его суть (т.е. он представляет собой не просто информацию, но выраженную в виде информации надындивидуальную ценность).

Под агентами мы понимаем тех участников нормативной системы, от решений которых тем или иным образом зависит качественная или количественная определенность норм, составляющих систему. Для простоты изложения межсистемно действующих агентов мы не берем в расчет.

Из приведенного определения следует, что различные аспекты нормативной системы, выступая исходными пунктами для познающего субъекта, приводят к возникновению содержательно различных теорий социального порядка. Например, можно себе представить теорию, имеющую дело исключительно с принципами и обретающую в силу этого метафизическое содержание. Такая теория могла бы эффективно разграничивать юридические правила и религиозные, в более общем варианте исполнения – социальные правила и социотехнические, в наиболее общем варианте – нормы любой природы и требования (*requirements*). Если теория базируется на самих нормах, подвергая их идеализации (отделяя саму структуру правила от всего иного), в пределе мы получаем деонтическую логику. Наконец, если нормативная система сводится к совокупности агентов и их стратегий, мы получаем в пределе множество теоретико-игровых концепций.

Так складывается мультипарадигмальность, естественно происходящая от неоднородности самих нормативных систем. Ни один из приведенных взглядов не может быть замещен двумя другими, поскольку между проекциями нормативной системы нет каузальных связей. Агенты, к примеру, не обязаны разделять навязанные им извне правила (или постоянно придерживаться одних и тех же конвенций), структура норм может регулировать поведение каких угодно агентов и подчиняться каким угодно принципам, а принципы могут быть воплощены в структурах разной степени сложности, в общем случае даже не требуя текстуального закрепления. Таким образом, нормы, агенты и принципы образуют три независимых аспекта любой нормативной системы, попутно обуславливая все богатство теоретических описаний последней.

Отнюдь не всякая парадигма допускает высокую степень формализации. Если в отношении деонтической логики и теории игр в этом отношении явных проблем нет, то метафизически содержательные теории к подобным преобразованиям весьма чувствительны, в силу чего работа с ними не выходит за пределы дискурс-анализа (о нем еще будет сказано далее). Другими словами, содержательный аспект нормативной системы всегда остается наиболее неопределенным элементом ее организации вплоть до того, что осознание руководящих принципов перестает быть обязательной предпосылкой социального действия (внешний наблюдатель тогда имеет право заметить, что действия утратили всякий смысл – либо сами по себе, либо как проекции на ожидаемое будущее). В таких ситуациях зачастую снижается рефлексивность принимаемых агента-

ми решений, избыток поведенческих стереотипов превращает систему в нечто бессознательное, от чего остается только шаг до потери управляемости. Подобные кризисы почти никогда не удается предсказать, однако они вполне доступны для аналитического исследования. Более того, как мы покажем и в этой работе, и в ряде будущих, кризисность нормативной системы есть безусловное благо для ее метафизически содержательной теории (а вот для иных проекций такая закономерность вряд ли соблюдается).

Как уже было сказано, участники нормативной системы должны разделять убеждение относительно верности одного и того же принципа: это наиболее простой способ самоидентификации (и основание самопрезентации, конечно же). В том случае, если в качестве указанного принципа рассматривается суверенитет государственной власти (т.е. ее верховенство на определенной территории и независимость как во внутренней, так и во внешней политике), мы получаем правовые системы, каждая из которых принадлежит тому или иному государству. Такие системы являются центральными классификационными единицами, поскольку все прочие подклассы нормативных систем, выделяемых по принципу суверенитета, используются в качестве дополнительных. Среди таковых стоит назвать:

- системы международно-правового уровня;
- системы межгосударственного или межрегионального (в рамках одного государства) уровня;
- системы отдельных организаций и сообществ.

Очевидно, что нормативные системы могут быть классифицированы и по иным признакам в зависимости от того способа идентификации их участников, который становится предметом исследовательского интереса.

Когда идет речь о том, в какой мере нормативная система выполняет свое предназначение, нужно учитывать, что эффективность регуляции напрямую зависит от того, между какими субъектами и по каким каналам идет обмен информацией. Как известно, в любой системе есть прямые и обратные связи, первые обозначают воздействие одних элементов системы на другие, вторые – возможность изменения поведения системы в зависимости от результатов ее функционирования. В социуме эти связи существуют не менее плотно, чем в обычных механизмах, но иначе реализуются, кроме того, они не являются уникальными (помимо управления общество нуждается в координации между равноправными субъектами).

В системах, где наличествует прямая и обратная связь управляющего и управляемого, отсутствуют актуальные конфликты и рассогласования, если субъекты могут находиться в дискретных состояниях, чей перечень заранее известен. Если информация в такой системе доведена до конечного потребителя, последний не может не отреагировать надлежащим образом, сам статус его как агента исключает бездействие, в противном случае этот статус изменяется (так, к примеру, злостный неплательщик налогов превращается в правонарушителя). Конечно, к данному идеалу

близки лишь технические системы, в обществе, напротив, постоянно наличествуют некоторые осложнения, у которых существует как минимум три причины.

Во-первых, управляемые подсистемы являются живыми – способными к поддержанию собственного существования, сознательными, как следствие – рефлектирующими. Рефлексия здесь понимается традиционно – как способность сделать себя предметом анализа. Носителем этой способности являются агенты, при этом рефлексия связана и с деонтической логикой, и с практикой игровых взаимодействий. Фигурально выражаясь, область рефлексии нормативной системы есть поле коллективного сознания (поскольку осмысление себя хоть и монологично по форме, но диалогично по содержанию). Ближайшим следствием рефлексивной способности выступает потенциальное дистанцирование от управленческой ситуации. Со стороны системы это означает сбой привычной последовательности, отклонение, а точнее сигнал о нем.

Во-вторых, любое общество пронизано множеством нетехнических связей, главные из которых, опять-таки, базируются на метафизическом фундаменте в виде ценностей. Соответственно, в силу определенной инертности общественного сознания (пусть и в его функциональном разрезе) управленческая практика не достигает уровня ценностного существования и не может произвольно его модифицировать. Невозможно, например, в директивном порядке отменить сомнения агентов в приоритете индивидуального интереса над общим, в справедливости принимаемых государством законов и т.п.

В-третьих, состояния субъектов в большинстве случаев не дискретны, поскольку агенты с заранее известным набором ожиданий и возможностей для нормативных систем не являются чем-то типичным. Теория игр, равно как и теория вероятностей, суть не что иное как приближенные способы расчетов поведения агентов в определенных условиях, но если верно, что некоторые агенты сами могут играть роль собственных условий (обладать возможностью свободного целеполагания), то красоте и вычислительной мощи указанных теорий продолжает противостоять универсальная неопределенность событий, образующих область приложения правил.

Итак, ни одна регуляция не является всеобщей и эффективной одновременно, пока речь идет о системах с человеческим участием. Собственная логика действий субъектов не позволяет нормативным системам беспредельно разрастаться. С течением времени управляющие значения перестают быть очевидными, не воспроизводятся автоматически, даже если элемент самосознания принудительно минимизирован. Тогда любое нормативное суждение требует более или менее осмысленного доказательства его права на существование. В переходе от самоочевидного статуса к проблематичному обнаруживается потребность в легитимности, если эта потребность своевременно не удовлетворяется, налицо дефицит легитимности (или кризис легитимации, что одно и то же). Следовательно, легитимация возникает как специфическая разновидность обратной

связи в нормативных системах с рефлексией. Из этого по крайней мере следует, что не допустить кризиса легитимации, т.е. устранить ее, можно весьма простыми способами: либо уничтожить механизм обратной связи, либо элиминировать роль рефлексивного элемента в поведении агентов (к примеру, сделать проблематичным самоосознание субъектов как носителей личных прав). Это ни в коей мере не оправдывает подобного рода меры, речь идет только об их простоте и относительной экономичности.

Технически неконтролируемое перепроизводство значений или управляющих сигналов предполагает достижение консенсуса по поводу того, какие из них будут считаться приемлемыми. Сторонники критической теории общества (преимущественно ученые Франкфуртской школы) полагают, что приемлемость правила поведения обусловлена приемлемостью процедуры обсуждения данного правила. Если речь идет о правовой норме (ключевым свойством которой выступает всеобщность), то в процесс обсуждения должно быть вовлечено как можно больше субъектов из числа заинтересованных в исполнении данной нормы. Вовлечение в свою очередь невозможно без взаимного признания государства и гражданского общества. Следовательно, мы вправе заявить, что взаимное признание является необходимым условием легитимности. Применительно к сфере права такое признание, как правило, не может быть достигнуто просто и безболезненно, поскольку входящие в круг обсуждающих систему правил агенты любой итоговый рациональный выбор совершают посредством самоограничения, что в общем-то не слишком соответствует человеческой природе (возможно, если заменить людей машинами, а нормы – требованиями технической эксплуатации, проблема исчезла бы сама собой, но простое решение в данном случае не есть решение подходящее).

Признание может быть описано и проанализировано с помощью стандартных социологических процедур, иначе говоря, оно доступно для эмпирического познания. В основе признания лежит доверие – субъективная уверенность в каком-либо авторитете. Эта уверенность куда менее познаваема эмпирически, поскольку не основана на хорошо различимых критериях. При этом важно иметь в виду, что авторитет постепенно приобретает, но с течением времени может быть утрачен. Следовательно, рассматривая социальные нормативные системы, мы имеем дело с процессами легитимации и делегитимации, одинаковыми по форме и противоположными по содержанию.

Легитимность – это такое свойство нормативной системы, которое не существует в отрыве от субъективно сложившихся диспозиций (предрасположенностей) субъектов. С другой стороны, эти диспозиции должны быть не только выявлены (обнародованы) но и организованы. Минимальная степень организации определяется тривиальной двужаночной логикой и грамматическими правилами, а максимальной степени в данном случае не существует. Особенностью доверия к правовым предписаниям является исключительная роль символических форм:

- 1) в процессе установления того или иного правила;
- 2) в ходе его изменения, усовершенствования;

3) в процессе его замены новым правилом.

В философии принято считать, что знак и символ суть различные феномены. Если для знака главным является само наличие референции (отношения обозначения), то для символа референция вторична по отношению к той связи, которая возникает благодаря некоторой не вполне определенной (отчасти бессознательной) причастности человека к тому или иному символу. Можно сказать, что символы связывают одно сознание с другим, совершая тем самым невозможное, с точки зрения Декарта, чье индивидуалистическое понимание мыслящего Эго могло бы конституировать социальную реальность только по принципу аналогии («я буду рассматривать внешне похожие на меня объекты как подобные мне»).

Свобода воли отдельно взятого субъекта и непренный для всякой интерсубъективной связи символизм значительно осложняют формализацию метафизически содержательного понимания нормативных систем. Именно поэтому перспективной методологической стратегией изучения легитимации правовых норм выступает политико-правовой дискурс-анализ. Подобный прием познания ориентирован на смысловой анализ многообразных форм юридической деятельности посредством выявления ее когнитивных схем, так как дискурсивность указывает на передачу, оперирование, создание новых знаний. Дискурсивность означает включенность политико-правовых действий в общий смысловой контекст («поле», по П. Бурдье), что позволяет обеспечить последовательное сочленение единичных смысловых элементов и придать им смысловую целостность вне зависимости от естественной вариативности поведения отдельных акторов. Дискурс тем самым является средством упорядочения социальной реальности.

Указанный метод предполагает использование различных интерпретативных стратегий, в центре которых, безусловно, находится истолкование социальных действий, т.е. поиск их смысла. Понятие легитимности в данном случае приобретает значение не столько «узаконивания» отношений господства, сколько наличия некоего «общего горизонта смысла» публичного целедостижения, служащего точкой отсчета для социальных акторов в ходе их действий. Легитимация в свете указанного подхода представляет собой структурирование, упорядочивание системы символов, обосновывающее идентичность и солидарность сообществ на основе того или иного правопорядка.

Мы считаем, что кризисность нормативной системы потому является благом для теории, что позволяет поставить под сомнение такое свойство правил, как рациональность, по крайней мере – сопоставить рациональность и легитимность. Ведя рассуждение с опорой на юридический материал, мы показали, что в основании правового регулирования лежат процессы коммуникации, а их конечным результатом является признание того или иного нормативного регулятора со стороны общества. Ближайшими эффектами признания являются соблюдение, исполнение и использование правовых норм в общественно полезных целях. Ука-

занные процессы могут быть ускорены или замедлены в зависимости от общего направления правовой политики в государстве. Следовательно, оптимизация правового регулирования должна иметь в виду не только количественные характеристики правовой системы, но и качественные – образы норм в сознании субъектов. Эти образы порождаются благодаря речевым актам, т.е. действиям, совершаемым в определенных ситуациях посредством произнесения определенных фраз, предложений на естественном языке. Речевые акты в данном случае имеют собственную «идеологию». Когда мы говорим о приобретении правом легитимности, мы всегда неявно опираемся на понятия делиберативной демократии и коммуникативной эффективности. Под коммуникативной эффективностью обычно понимают функцию минимизации издержек социальных обменов:

- коммуникативная эффективность государственного управления состоит в минимизации политической неопределенности на макроуровне, предложении ясных «правил игры» для всех контрагентов и контроле за их исполнением;

- коммуникативная эффективность напрямую зависит от административного потенциала государства, определяемого как способность эффективно проводить и пропагандировать коллективные мероприятия;

- в качестве основного способа повышения управленческого потенциала государства выступает создание оптимальной институциональной базы, проясняющей социальные, политические и экономические взаимодействия акторов, а также обеспечивающей равноправность и справедливость таких взаимодействий [1].

Нормативная модель делиберативной демократии опирается на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы своей совместной жизни. В качестве масштаба для оценки демократичности реального политического процесса Ю. Хабермас использует понятие «процедура обсуждения политических вопросов и принятия политических решений» как некий идеальный тип. Основная идея ученого заключается в следующем: в современных обществах демократия как политический порядок не может опираться на субстанционально единую, как бы заранее преформированную «волю народа». Если идея коллективного самоопределения сохраняет свой практический смысл, то демократическая самоорганизация должна мыслиться как процесс, как процедура формирования мнений и воли народа. Легитимно не то решение, которое выражает якобы уже сформированную волю народа, но то, в обсуждении которого приняли участие наибольшее количество граждан.

Здесь возникает вопрос: способны ли мы отличить «истинный» консенсус от «ложного», т.е. консенсус, стремящийся к истине и способствующий ее нахождению, от противоположного? Для ответа на этот вопрос Ю. Хабермас вводит понятие «идеальная речевая ситуация». Она характеризуется четырьмя условиями: равенством шансов на применение коммуникативных речевых актов участниками дискурса; равенством

шансов на тематизацию мнений и критику; свободой самовыражения, предотвращающей формирование подавленных комплексов; равенством шансов на применение регулятивных речевых актов, обеспечивающих взаимность отношений участников дискурса и исключающих привилегии – односторонне обязывающие нормы общения. Только в том случае, если выполняются данные условия, дискурс будет именно дискурсом, а не запугиванием, обманом [2].

Следовательно, эмпирическая оценка степени легитимности того или иного правового института – это прежде всего исследование некоторого круга речевых ситуаций. Стадии данного исследования таковы:

- определение рамок исследования и классификационных единиц (подмножеств), на которые разбивается анализируемая нормативная система;

- выдвижение гипотезы, состоящей из совокупности общеправовых идей (принципов), отношение к которым маркирует состояние правового порядка в обществе;

- разбиение исходного принципа на отдельные компоненты, каждый из которых допускает оценку с точки зрения динамики;

- подбор к каждому из полученных компонентов некоторого количества вопросов, пригодных для включения в масштабное социологическое исследование;

- проведение исследования и обработка его результатов, получение сравнительных характеристик динамики каждого компонента на каждом из заранее определенных подмножеств;

- окончание исследования, получение итоговых таблиц и графиков, по необходимости – пересмотр исходной гипотезы и картографирование выбранной для анализа нормативной системы.

Безусловно, подобного рода исследование – не панацея в мире, переполненном законами. С другой стороны, на данный момент сложно представить себе более элементарную схему изучения (и исправления) выпадающих в состояние кризиса подсистем нормативной системы.

В заключение отметим, что если рациональность (и конечно, иррациональность) правовой системы представляет собой ее предельную философскую характеристику, то легитимность можно определить как прагматически полезный термин, обозначающий и определенный набор свойств права, и образ этих свойств в сознании субъектов. Рациональность, таким образом, никогда не дает себя увидеть непосредственно в жизненном мире, легитимность же, напротив, немислима вне выявленных эмпирических показателей. Если легитимность исследуется преимущественно методами социологических наук, то рациональность – методами философии и лингвистики, на пересечении которых находится, к примеру, дискурс-анализ. Сказанное позволяет приблизиться к пониманию той общепознавательной закономерности, согласно которой социальные теории среднего уровня всегда множественны, вариативны и вовсе не обязаны стремиться к унифицирующей интеграции. Картина

жизненного мира субъекта – это именно многообразие подобного рода теорий, каждая из которых остается реалистической и эффективной до тех пор, пока находится в некотором отношении к аналогичным единицам знания.

Избрав себе целью неметафизическую критику социального порядка, мы выявили в нем тот аспект, в котором он сопоставим с любым другим порядком по количественно определяемым критериям. То, что указанные критерии потенциально определяемы, не означает их доступности для обыденного познания. Рассуждая о соотношении рационального и иррационального в жизненном мире агентов, мы ни разу не позволили себе усомниться в том, что их действия не всегда могут быть отрафлексированы в процессе совершения (а иногда это выходит за пределы нужд самой нормативной системы). Следовательно, данное действие вполне может быть передано науке, и в настоящее время многое уже делается учеными в этом направлении (достаточно в качестве примера привести широко известный Индекс верховенства права [3], рассчитываемый по более чем 50 эмпирическим показателям). Нельзя не отметить, как много перспектив открывается здесь для всякой критической теории, взявшей на себя нелегкий труд объединения философских и дисциплинарных дискурсов.

Литература

1. Курочкин А. В. «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике управления / А. В. Курочкин // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 4. – С. 87.

2. *Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats* / J. Habermas. – Frankfurt a/M. : Suhrkamp Verlag, 1992. – S. 155.

3. Режим доступа: http://worldjusticeproject.org/sites/default/files/files/wjp_rule_of_law_index_2014_report.pdf

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: yurist84@inbox.ru

Тел.: 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: yurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98